

церкви, Киево-Печерская, говорятъ, будетъ обращена во «всеукраинскій городокъ-музей». Означаетъ ли это изгнаніе обновленцевъ, которые устроили здѣсь семинарію, или только очищеніе другихъ помѣщеній, занятыхъ совѣтскими учрежденіями?» (№ 9, стр. 391-392).

Въ добавленіе къ журналу «Irenikon» издается серія выпусковъ-брошюръ «Irenikon-Collection» первый ном. которой посвященъ религиозной мысли современной Россіи (въ эмиграціи). Иеромонахъ Левъ прекрасно справился со своей нелегкой задачей: далъ на 30 страничкахъ сжатый, но интересный и обильно снабженный библиографическими примѣчаниями очеркъ различныхъ теченій русской религиозной мысли: 1) традиціонно-церковной, 2) реформаторской, 3) революціонной. Въ первой главѣ онъ рисуетъ «возвращеніе въ церковь» интеллигенціи, и два теченія: одно, которое онъ обозначаетъ именемъ «нео-славянофиловъ» и другое — евразійское. Вторая глава подраздѣляется на «новыя обновленческія церкви», расколъ и протестантизмъ. Третья излагаетъ отношеніе къ религіи революціонеровъ, Ленина, совѣтской власти, — и современное состояніе толстовства.

Авторъ стремится быть объективнымъ и почти всегда успѣваетъ въ этомъ, воздерживаясь отъ общихъ оцѣнокъ и прогнозовъ. За лапидарными строчками его чувствуется знаніе предмета и много мыслей — задавленныхъ и стиснутыхъ въ нижній этажъ примѣчаній. Кое-въ чьемъ русскій читатель не можетъ согласиться съ авторомъ. Его понятіе славянофиловъ непомѣрно широко, обнимая въ прошломъ Каткова, Леонтьева, Побѣдоносцева, въ настоящемъ всѣ группы «Вѣхъ» и всѣхъ зарубежныхъ русскихъ философовъ, кромѣ евразійцевъ. Общая скобка, объемлющая имена Струве, о. Булгакова, Бердяева, даже Лосского, едва ли сохраняетъ какое-либо логическое значеніе. Религиозную философію евразійцевъ авторъ ищетъ на путяхъ сближенія съ Ираномъ и Индіей (не усматривая существеннаго турскаго содержанія евразійцевъ), хотя оговаривается, что быстрая эволюція этого теченія дѣлаетъ очень трудной его характеристику. Не правъ арх. Левъ, увѣряя (въ примѣчаніи стр. 25), что присоединеніе Малороссіи и ея «угнетеніе» помѣшали ей «оказать культурное воздѣйствіе на Россію». Вѣрно какъ разъ обрат-

ное. Наконецъ, не правъ онъ, повторяя съ чужихъ — къ сожалѣнію, русскихъ словъ — что черезъ У.М.С.А. «протестантизмъ» просачивается въ среду русской эмиграціи» (Стр. 26). Но все это мелочи. Для иностранца брошюра о. Льва является прекраснымъ — и единственнымъ — введеніемъ въ современную русскую мысль и русскую религиозную жизнь. Для насъ интересны нѣкоторые ея замѣчанія и приводимые имъ факты о внутри-россійской дѣйствительности. Авторъ, свидѣтельствуя о возрожденіи церкви, указываетъ, что въ народныхъ низахъ подъемъ вѣры, наблюдавшійся въ первые годы революціи, смѣнился отходомъ отъ церкви и ростомъ сектантства. (О сектантствѣ въ Россіи см. указываемый имъ выпускъ *Orientalia Christiana*. «Les sectes religieuses en Russie, leur succès, ses causes, 1926»).

Изъ характеристики обновленческихъ церквей, которая авторъ изображаетъ въ первоначальный моментъ ихъ реформаторскихъ экспансій, умалчивая о ихъ слияніи въ обезцвѣченную синодальную церковь, заимствуемъ одну подробность: «первымъ профессоромъ морали (?) въ Богословской Академіи Живой церкви въ Москвѣ, былъ протестантъ-американецъ» (стр. 25).

Последнее замѣчаніе. Изложеніе кончается на толстовствѣ. Авторъ правъ: «о толстовствѣ почти не говорить» теперь. Однако о. Левъ считаетъ нужнымъ привести слова Черткова: «тысячи русскихъ толстовцевъ, давая доказательства лояльности по отношенію къ совѣтамъ, терпѣливо и молча ждутъ великаго духовнаго возрожденія, когда ихъ идеи получатъ вліяніе». Кончая этимъ пророчествомъ свою брошюру въ сопровожденіи своихъ собственныхъ, осторожныхъ, но сочувственныхъ комментаріевъ, авторъ создаетъ у читателя неправильную перспективу. Это единственное отступленіе отъ поставленнаго себѣ авторомъ правила — воздержанія отъ прогнозовъ, боимся, обрываетъ его строгое и добросовѣстное изложеніе на фальшивой нотѣ. **Г. Федотовъ.**

Л. П. КАРСАВИНЪ. «Святые Отцы и учителя Церкви. Раскрытіе Православія въ ихъ твореніяхъ». У.М.С.А. Press. Paris. Стр. 270.

Неутомимый писатель, блестящій столь же количествомъ, сколь и качествомъ своихъ трудовъ, подарилъ русскую богословскую литературу новой цѣнной книгой. Давно уже ощущался у насъ недоста-

токъ въ сжатомъ и строго научномъ изложеніи патристики. Настоящимъ трудомъ проф. Л. П. Карсавина, крупнѣйшаго знатока Св. От., этотъ недостатокъ пополненъ. Святоотеческая мысль представлена въ этой книгѣ единымъ монолитомъ, хотя всюду выдѣлено многообразіе индивидуальностей и подчеркнутъ историческій моментъ борьбы съ возникавшими различными ересями и лжеученіями (гностицизмомъ, арианствомъ, несторіанствомъ и др.). Строго объективное изложеніе Отцевъ и учителей Церкви перемежается съ искусно сдѣланными выборками важнѣйшихъ мѣстъ изъ ихъ твореній. Это придаетъ разбираемой книгѣ, помимо всего прочаго, характеръ краткой святоотеческой хрестоматіи, почему ее и надо считать одинаково цѣнной, какъ въ смыслѣ учено-учебнаго пособия по патристикѣ, такъ и въ качествѣ настольной книги всякаго православнаго христіанина, въ душѣ котораго живетъ хотя бы малая искра святой любознательности въ дѣлахъ исповѣдуемой имъ вѣры. Мѣткія характеристики лжеученій и ересей, безпристрастное, хотя и неизмѣнно православное ихъ изложеніе дѣлаютъ книгу хорошимъ справочникомъ по ересеологіи. Особенно удалась автору изложенія гностическихъ системъ Василида и Валентина (стр. 27-45). Не менѣе удачное изложеніе Оригена (стр. 88-110) грѣшитъ нѣкоторой непропорциональной растянутостью, — обстоятельство, объясняемое, быть-можетъ, тѣмъ, что богословскій стиль самаго Л. П. Карсавина родствененъ стилю великаго александрійца, блистательно сочетающаго неоплатоническую мудрость съ предмірной и вѣчной истиной христіанскаго откровенія.

Какъ и подобало православному писателю и знатоку церковной исторіи, Л. П. Карсавинъ основное вдохновеніе своей книги сосредоточилъ на *борьбѣ за единосущіе* (стр. 126-151), на *св. Афанасіи Великомъ* (стр. 152-162), на *выработкѣ ученія о Троицѣ и каппадокійцахъ* (стр. 163-180); *св. Григорію Нисскому* посвящено относительно болѣе всего мѣста (стр. 181-216) и изъ него же сдѣлано болѣе всего выдержекъ и цитатъ. Это объясняется тѣмъ, что, «система Григорія Нискаго — одно изъ высшихъ и самыхъ глубокихъ индивидуальныхъ осмысленій христіанства» (стр. 217) — какъ не безъ основанія замѣчаетъ Л. П. Карсавинъ. Весьма характернымъ является отведеніе св. Іоанну Дамаскину одного изъ второстепенныхъ

мѣстъ на томъ основаніи, что «Дамаскинъ не обладалъ творческою богословски-философскою мыслью и его аристотелизмъ ей не способствовалъ» (стр. 245). Утвержденіе это можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ и даже дерзкимъ. На этомъ необходимо остановиться. Шаблонъ далеко не святоотеческій и неправославный приучилъ русскіихъ школьничковъ (даже когда они въ рясахъ и на кафедрахъ) видѣть вершину богословствованія въ педагогическомъ систематизмѣ латино-аристотелевскаго типа. Это и было причиной того, что вершиной святоотеческаго богословствованія считались и продолжаютъ считаться не сочиненія Іоанна Дамаскина противъ иконоборцевъ, не церковныя его пѣснопѣнія, гдѣ онъ безспорно гениаленъ и великъ, но «Точное изложеніе Православной вѣры» и «Источникъ знанія». Последнее легко объясняется тѣмъ, что «источникомъ знанія» русскіихъ богословствующихъ школьничковъ были не святоотеческія творенія, а посредственныя подражанія различнаго рода латино-аристотелевскимъ «суммамъ богословія», генеалогія которыхъ дѣйствительно восходитъ къ теоретическимъ произведеніямъ св. Іоанна Дамаскина.

Книга Л. П. Карсавина сосредоточена на основномъ періодѣ патристики, завершающимся св. Іоанномъ Дамаскинымъ, т. е. 8-мъ вѣкомъ. Этотъ періодъ вѣрно характеризуется авторомъ книги, какъ «величайшій и донинѣ единственный періодъ въ развитіи христіанскаго богословія» (стр. 246). Конечно, на это можно было бы возразить тѣмъ, что и позже православная богословская мысль дала великія достиженія, поистинѣ, святоотеческаго типа. Сюда надо отнести, напр. преп. Симеона Новаго Богослова, св. Григорія Паламу, плеяду восточныхъ отцевъ-литургистовъ въ родѣ Симеона Солунскаго, Николая Кавасилы и др. Полное неупоминаніе о нихъ является серьезнымъ недостаткомъ книги. Не менѣе серьезнымъ недостаткомъ является невключеніе въ святоотеческую перспективу твореній Бл. Августина, тѣмъ болѣе, что проф. Л. П. Карсавину, крупнѣйшему знатоку западной схоластики и латинскаго богословія, болѣе, чѣмъ кому либо другому дана возможность указать на слабыя, и, съ точки зрѣнія Православія, подозрительныя стороны твореній епископа Иппонскаго, приведшія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи на Западѣ къ уклоненіямъ отъ вселенской православной истины, какъ въ

области догматики, такъ и обще-фило-софскаго мышленія. Къ числу мелкихъ недостатковъ книги надо отнести вызывающую рѣшительную досаду и недоумѣніе транскрипцію греческихъ словъ латинскими буквами. Къ чему это? Лица, знающія греческій языкъ, безъ сомнѣнія, знаютъ и греческую азбуку; не знающимъ же греческаго языка латинская транскрипція не поможетъ ни въ какой степени. Литература патристики указана съ достаточной полнотой и глубокимъ знаніемъ дѣла.

Трудъ Л. П. Карсавина появился какъ разъ во время. Трудную эпоху переживаетъ Русская Православная Церковь. На нее ополчился духъ тьмы въ его двухъ разновидностяхъ. Первая — открытое внѣшнее невѣріе и внѣшнее насиліе гонителей, хотя и безмѣрно мучительна, но не такъ опасна. Вторая — ханжество, лице-мѣріе, политиканство, мракобѣсіе и внут-рицерковная интрига — гораздо хуже, ибо она подъ маской церковности разлага-етъ и терзаетъ Церковь изнутри, отравляя ее ядовитыми токсинами духоненавистни-чества и мраколюбія. Представители этого рода враговъ Церкви, люди большей час-тью малосвѣдущіе въ церковной пись-менности и нерѣдко круглые невѣжды, давно привыкли по шаблону, унаслѣдо-ванному отъ синодальнаго періода, смотре-рѣть на Церковь, какъ на оплотъ мертве-чины, застоя и тупой мыслебоязни — что инымъ изъ нихъ казалось необходимымъ въ видахъ политической реакціи. Эти люди не знаютъ того или не хотятъ при-мириться съ тѣмъ, что св. Отцы и учителя Церкви гармонично сочетаютъ благого-вѣйное преклоненіе передъ Божественной истиной съ предѣльной глубиной фило-софской мысли, и, часто изумительной смѣлостью дерзанія въ области метафизики — гдѣ они далеко оставляютъ за собою по внѣшности дерзкіе, внутренно же робкіе и косные опыты «безбожной» свѣтской мысли.

В. Н. Ильинъ.

КНИГА МЁЛЛЕРА О ЦЕРКВИ.

„Die Einheit in der Kirche oder das Prinzip des Katholizismus dergestalt im Geiste der Kirchenväter der dreiersten Jahrhunderte von Johann Adam Möhler. 1925. Matthius Grünevald-Verlag).

О книгѣ Мёлера хочется многое сказать. За сто лѣтъ она не потухла, не остыла. И съ трудомъ вѣрится, что это книга начинающаго. Въ четкихъ и строгихъ выраже-

ніяхъ здѣсь раскрывается ясновидѣніе закаленной, пламенной вѣры. Это болѣе, чѣмъ только книга, богословскій трактатъ или философскій синтезъ. Это исповѣдь, вдохновенный рассказъ о томъ, что автору открылось въ отеческихъ твореніяхъ и черезъ нихъ. — Мёлеръ родился и выросъ въ эпоху религіознаго упадка и оскуднѣнія католическаго міра, на исходѣ вѣка Про-свѣщенія. Изъ школы немногого онъ вы-несъ, — сухія понятія и слова. Но изъ родного прошлаго онъ запомнилъ всѣ луч-шія мечты о «соборности», и плотию облек-лись для него эти мечты въ святоотече-скихъ твореніяхъ. Западъ хранилъ оте-ческія писанія, но сердцемъ оторвался отъ нихъ, забылъ о нихъ, ими не жилъ, не ими жилъ, — запомнилъ одного развѣ блаж. Августина. Отцовъ заслонили докто-ра средневѣковья и всего болѣе Триденти-нумъ. Западу приходилось возвра-щ а т ь с я къ отцамъ, и не одной только памятью, но и волей. Мёлеръ былъ однимъ изъ первыхъ возвращавшихся. Патрологія для него не была археологіей. Древнія пи-санія говорили ему не о древнемъ, не объ ушедшемъ. Въ отеческихъ твореніяхъ онъ открылъ, по его собственному признанію, «живое, свѣжее, полное христіанство». Всей душой и волей онъ уходилъ въ этотъ дивный міръ, мечтою жилъ въ древней Церкви. Это стремленіе къ истокамъ не было подобно протестантскому исканію «первохристіанства», хотя историческое вниманіе Мёлера и пробудилось въ проте-стантской школѣ. «Кто могъ забыть то, чѣмъ онъ былъ», говорилъ Мёлеръ, «ни-когда имъ не былъ». И подъ памятью онъ разумѣлъ при этомъ не внѣшнее храненіе образовъ прошлаго, но живую непрерыв-ность духовнаго бытія. Та к а я память возможна только въ Церкви, ибо только въ Ней есть подлинная цѣльность и непре-рывность. Въ Церкви и только въ Ней есть преданіе, не какъ внѣшняя передача по преемству, но какъ живое тожество и взаи-мообщеніе, преодоляющее время во Еди-номъ Духѣ Животворящемъ. Въ Церкви вовсе нѣтъ прошлаго, ибо нѣтъ его для Всесвятаго Духа. «Церковь не знаетъ прошлаго», говоритъ Мёлеръ, — «и прош-лое, и будущее здѣсь теряютъ смыслъ и сливаются въ пребывающее настоящее». Въ благодатныхъ нѣдрахъ Церкви «вѣрую-щіе всѣхъ временъ становятся для насъ современниками», — и не только въ мечта-тельномъ единствѣ, но въ самомъ реаль-номъ и живомъ. Въ этомъ преодоленіи вре-